

Съ развѣдчиками 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи.

(Дневникъ начальника команды развѣдчиковъ 30-го Сиб. стрѣлк. полка).

Глава I.

Въ сухомъ, безстрастномъ изложеніи официальныхъ отчетовъ и донесеній не передать всего того, что было пережито перенесено за три года странствованій по лѣсистымъ дебрямъ Саянскихъ горъ и ущелій, по мертвымъ долинамъ Монголіи. Какъ обрывки смутныхъ кошмарныхъ сновидѣній носятя воспоминанія о прошломъ. Хотѣлось бы связать ихъ въ одно стройное цѣлое и развернуть передъ читателемъ картину величавой природы того малоизвѣстнаго уголка окраины Россіи, куда забросила меня и тридцать моихъ молодцовъ-развѣдчиковъ судьба. Да, судьба играетъ человекомъ, а тѣмъ болѣе оберъ-офицеромъ! Достаточно получить предписаніе за № такимъ-то — и прощай мирная, гарнизонная жизнь со всѣми ея прелестями и радостями — танцевальные вечера въ полковыхъ собраніяхъ, тактическія занятія, «походныя движенія»....

Въ походъ, въ настоящій походъ! За горы, за лѣса, въ синѣющую даль!

Получено распоряженіе о командированіи меня въ распоряженіе полковника генеральнаго штаба П. Оказывается, что въ Урянхайскомъ краѣ совершенно неожиданно разыгрались событія, грозяція непредвидѣнными осложненіями: ставленникъ китайцевъ,

князь Хейдуба, выселяетъ русскихъ купцовъ, давъ имъ трехдневный срокъ на ликвидацію дѣлъ, разставилъ свои сторожевые пикеты вдоль границы, пріостановилъ движеніе русскихъ торговыхъ каравановъ и самовольно перенесъ пограничные знаки далѣе на сѣверъ, верстъ на 80 отъ Усть-Кемчика.

Заволновалось русское населеніе зарубежнаго края, зимой почти отрѣзаннаго отъ главныхъ административныхъ центровъ. Завопили купцы, и вотъ въ лютый морозъ въ одну сторону полетѣли конные гонцы, въ Уласутай, къ русскому консулу, а въ другую, въ Минусинскъ, по обледенѣлымъ кручамъ Саянскаго хребта, были посланы лыжники съ телеграммами на имя генераль-губернатора.

Немедленно послѣдовало командированіе полковника П., уполномоченнаго генераль-губернаторомъ, въ случаѣ безрезультатности дипломатическихъ мѣръ, обуздать зазнавагося князька силой оружія. Вотъ эту-то силу и долженъ былъ олицетворять я, во главѣ 30 развѣдчиковъ.

Въ тотъ же вечеръ заработали полковые интенданты по снабженію отряда теплыми рукавицами, консервами и патронами. На каждого стрѣлка было приказано отпустить 500 патроновъ. Но оказалось, что не только снаряженіе, но и сформированіе отряда предполагалось въ Минусинскѣ, гдѣ стоялъ первый баталіонъ нашего полка. Всѣ мои доводы и просьбы о разрѣшеніи взять въ экспедицію своихъ людей встрѣтили категорическій отказъ. Я пріунылъ. Развѣдчики мои разревѣлись, какъ школьники, недопущенные къ экзамену. И было съ чего. Четыре года я ихъ воспитывалъ въ страхъ Божиемъ и по завѣтамъ великаго Суворова; переходы мы шутя дѣлали по 70 верстъ, переплывали въ снаряженіи Енисей, кормились глухарями и «дикими» курицами; такъ пѣли пѣсни, что даже челдоны одобряли: «ишь ты, воители настояціе!»

Жаль было разставаться съ такими молодцами. Все таки мнѣ сдѣлали уступку и разрѣшили взять въ походъ старшаго команды и трехъ развѣдчиковъ, совершившихъ со мной передъ этимъ экскурсію по Урянхайскому краю и Монголіи, но съ оговоркой— «безъ расходовъ для полка».

Гдѣ-то теперь мои милые развѣдчики, спутники былой походной жизни, полной тревоги и лишеній? Унтеръ-офицеръ Васильевъ, получившій галуны помимо учебной команды, славный, застѣнчивый, какъ красная дѣвица, но вмѣстѣ съ тѣмъ лихой охотникъ, первый слѣдопытъ, стрѣлокъ безъ промаха, лучшій въ командѣ пловецъ и неутомимый скороходъ. Этотъ невзрачный съ виду сол-

дantikъ, съ малолѣтства работавшій въ душной атмосферѣ петербургскаго чугунолитейнаго завода, какъ будто переродился, попавъ на службу въ Сибирь, въ команду развѣдчиковъ.

«Хорошо въ тайгѣ, точно въ американской сказкѣ!» говорилъ бывало Васильевъ, когда намъ приходилось ночевать во время зимнихъ походовъ въ лѣсу, у ярко пылающаго костра изъ громадныхъ сухостоевъ. Морозная, безмолвная ночь. Свѣсились громадныя вѣтви темныхъ кедровъ, засыпанныя снѣгомъ. Обступили насъ стѣной заснувшіе мертвымъ сномъ лѣсные великаны....

Васильевъ, какъ полагается фабричному рабочему, зналъ Пинкертона, но зналъ онъ и Майнъ-Рида и Жюль-Верна. И мнѣ кажется, что дикая красота сибирской тайги захватила его своимъ могучимъ дыханіемъ и пробудила дремлющія въ глубинѣ души его инстинкты землепроходца, ушкуйника—сказалась кровь потомка славныхъ новгородцевъ-повольниковъ.

Молчановъ, Тушинъ и Чернобаевъ сопровождали меня, по собственному желанію, еще въ 1908 году во время зимней экскурсіи по Монголіи отъ Усинска черезъ Улянкомъ и Кобдо на Кошъ-Агачъ. Это они берегли для меня послѣднюю каплю въ баклагахъ, отогрѣвали своими тѣлами на ночлегахъ въ ущельяхъ Алтая, когда приходилось коченѣть отъ мороза въ 40°.

Остававшуюся команду мнѣ было приказано сдать своему помощнику. Ему же я сдалъ на храненіе все свое движимое имущество—книги, бюстъ Наполеона....

Въ тотъ же день мнѣ нужно было получить въ полковой канцеляріи «причитающееся путевое довольствіе».

Спѣшность командировки застигла врасплохъ нашихъ почтенныхъ полковыхъ «интендантовъ». Порылись въ замусленныхъ, засаленныхъ дѣлахъ и циркулярахъ и выписали мнѣ, наконецъ, «заимообразно до погашенія» 37 съ полтиной—прогоновъ и суточныхъ при командировкѣ за тысячи слишкомъ верстъ.

Итакъ, въ этотъ день, послѣ полученія предписанія и инструкцій, пришлось собраться и улечься въ дорогу, распротиться съ командой и офицерами, разсчитаться съ кредиторами, утѣшить квартирную хозяйку, впавшую въ истерику, подать рапортъ объ отъѣздѣ. Уже на другой день мы были въ Ачинскѣ. Здѣсь заранѣе были приготовлены почтовые лошади, и началась бѣшеная скачка по тракту, ведущему въ Минусинскъ.

«Въ Сибири сто рублей не деньги, сто верстъ не дорога».

Ямщики мѣняются на каждомъ станкѣ, черезъ 20—30 верстъ. Маленькія косматыя лошадки несутся, какъ бѣшенныя, по ухаби-

стому тракту, однимъ махомъ пролетаютъ станокъ и сами оставливаются у узорныхъ воротъ заѣзжаго дома, такъ называемой земской квартиры. Ноздри у нихъ покрылись ледяными сосульками, паръ валить столбомъ; ихъ привязываютъ къ изгороди «на выстойку», часа на 3—4. Мы, закоченѣвшіе, измученные тряской, неуклюже вылѣзаемъ изъ глубокой кошевы, въ сѣняхъ освобождаемся отъ дохъ и шубъ и заходимъ въ горницу.

Земскія квартиры по сибирскимъ дорогамъ обыкновенно сдаются состоятельнымъ крестьянамъ; въ избахъ всегда чисто, столы покрыты узорными скатертями; стѣны увѣшаны картинами и фотографіями. Намъ подаютъ самозаръ, варенье, шаньги съ масломъ, со сметаной, соленые грузди, огурцы. Солдаты закусываютъ въ кухнѣ. Съ улицы доносятся пѣсни, смѣхъ, слышны звонкіе дѣвичьи голоса—это молодежь собирается на вечорки. Теперь святки, скоро Рождество. Но вотъ зазвенѣли бубенчики. Васильевъ, въ красныхъ валенкахъ и въ шапкѣ съ паушниками, является и докладываетъ, что лошади поданы. И снова въ путь—снѣжной пылью застилаются глаза, опять безконечный снѣжный покровъ Чулымской степи, опять поскотины, деревни, земскія квартиры съ неизмѣнными самоварами и малиновымъ вареньемъ.

На третій день мы прибыли въ Минусинскъ. Здѣсь закипѣла работа по сформированію отряда. Приказано было назначить лучшихъ по строю, по поведенію, трезвыхъ, выносливыхъ людей изъ ротъ баталіона (нашего полка), стоявшаго здѣсь въ отдѣлѣ.

Въ баталіонѣ не оказалось запаса теплыхъ вещей; валенки, полушубки, теплое бѣлье пришлось искать по магазинамъ. Но по случаю Рождества всѣ лавки и магазины были заперты. Только при помощи полиціи, принявшей самую энергичныя мѣры, удалось разыскать приказчиковъ и хозяевъ и водворить ихъ за прилавки.

«Помилуйте, праздникъ нынче самый высокотабельный!» протестовалъ какой-то комерсантъ, захваченный полиціей въ самый разгаръ визитовъ.

Пока я хлопоталъ надъ снаряженіемъ людей и съ оборудованіемъ обоза, полковникъ П. пригласилъ къ себѣ представителей торговыхъ фирмъ, ведущихъ торговля дѣла въ Усинскомъ и въ Урянхайскомъ краѣ, для обсужденія пограничнаго конфликта. Я на этомъ импровизованномъ совѣщаніи не участвовалъ.

Собрать сколько-нибудь цѣнный матеріалъ и свѣдѣнія, которыя правдиво и безпристрастно освѣтили бы создавшееся положеніе вещей, полковнику П. не удалось.

Ему пришлось выслушать рядъ вздорныхъ жалобъ, необосно-

ванныхъ претензій и невыполнимыхъ совѣтовъ отъ умныхъ лицъ, мелкихъ скупщиковъ и комиссіонеровъ, выше всего ставящихъ свои личные интересы. Не было на совѣщаніи такихъ далеко извѣстныхъ за предѣлами Минусинскаго уѣзда людей, какъ Егора Павловича Сафьянова и Бякова. Эти люди уже съ полвѣка работали надъ упроченіемъ русской культуры и торговли среди сойотъ и монголовъ, пользовались незапятнанной репутаціей, какъ среди русскихъ, такъ и инородцевъ, хорошо знали нравы и обычаи монголовъ и только прислушиваясь къ ихъ трезвому голосу, можно было бы найти выходъ и положить конецъ назрѣвшему острому кризису, не прибѣгая къ такой чрезвычайной мѣрѣ, какъ вызовъ вооруженнаго карательнаго отряда.

Еще впоследствии придется посвятить нѣсколько строкъ личности и дѣятельности Сафьянова; теперь же напомнимъ только, что въ сущности онъ явился инициаторомъ и главнымъ проводникомъ мысли о необходимости пересмотра урянхайской пограничной линіи. Благодаря его кипучей дѣятельности, въ Усинскомъ краѣ открылись богатѣйшіе золотые прииски, привилось рационально поставленное коневодство, за хребтомъ широкой сѣтью раскинулись торговля факторія, послужившія началомъ русскихъ поселковъ. Человѣкъ «американской складки», культуртрегеръ русскаго дѣла въ лучшемъ смыслѣ слова, Сафьяновъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ не только комерсантомъ, дѣльцомъ, но и просвѣщеннымъ человекомъ. Его можно считать главнымъ помощникомъ и сотрудникомъ Мартянова, создавшаго гордость Минусинска — мѣстный музей.

Мнѣ кажется, что въ массѣ широкой публики мало кому извѣстно о существованіи Мартяновскаго музея. Да и самый городъ Минусинскъ мало чѣмъ выдвинулся въ лѣтописяхъ русской жизни. Еще недавно онъ считался мѣстомъ ссылки для «привилегированныхъ» преступниковъ. Въ городѣ и въ ближайшихъ селеніяхъ можно натолкнуться на стариковъ-косиньеровъ, участниковъ возстанія 1863 года: недавно только умеръ маіоръ Пизани, бывший гарибальдеецъ и сподвижникъ пана-довудца Ланговскаго. Въ Минусинскѣ же прожилъ около года Амфитеатровъ, написавшій цѣлую книгу «Сибирскіе этюды». Странно, что этотъ талантливый публицистъ, совершенно какъ бы не замѣчая бьющей ключемъ яркой и самобытной жизни въ Сибири, далъ рядъ какихъ-то нелѣпыхъ «распивочныхъ и на выносъ» этюдовъ, невольно воскрешающихъ въ памяти французскія легенды о «тѣнистой клюквѣ».

Но къ чести коренныхъ минусинскихъ обывателей нужно ска-

зять, что они къ подобнымъ «россійскимъ» знаменитостямъ и невольнымъ гастролерамъ относятся съ традиціоннымъ сибирскимъ добродушіемъ, какъ къ «несчастненькимъ»; а вотъ сознание, что ихъ захолустный, сѣрый городокъ обладаетъ всемірно извѣстнымъ, богатѣйшимъ музеемъ, вкоренилось у нихъ крѣпко и служитъ источникомъ вполне законной гордости.

«Намъ американцы вотъ сорокъ милліоновъ давали, но однако не продадимъ музею!» говорилъ мнѣ извозчикъ, коренной минусинскій челдонъ.

«Вотъ она, постройка не хуже монополіи», указывалъ онъ кнутовищемъ на красивый двухэтажный домъ изящной архитектуры.

«Безъ казны построили, тутъ и наша копеечка есть».

Правъ былъ извозчикъ. Конечно, лучшей постройкой въ городѣ слѣдуетъ считать величавую цитадель казенной монополіи, но у дѣятелей питейной реформы не хватило духа увѣковѣчить свои имена на колоссальныхъ дымовыхъ трубахъ виннаго завода.

А на фронтонахъ музея красуются имена славныхъ апостоловъ науки и культуры, безстрашныхъ путешественниковъ, посланныхъ еще Великимъ Петромъ въ далекую, неизвѣданную дотолѣ Сибирь, съ инструкціей «развѣдать географію, естественную исторію, жизнь туземныхъ народовъ, памятники, курганы и другія древности».

Мессершмитъ, Гмелинъ, Борингъ, Палласъ и рядъ другихъ ученыхъ, «въ приращеніи человѣческаго знанія нарочитую прибыль оказавшихъ». Кастрэнъ, Крапоткинъ, Пржевальскій, Потанинъ, раскрывшіе намъ сокровищницу Сибири, озарившіе свѣтомъ науки ея загадочное прошлое и блестящую, богатую будущность.

Минусинскій музей зародился по мысли и благодаря неустанной самоотверженной работѣ мѣстнаго провизора Мартянова и при живѣйшемъ сочувствіи и участіи мѣстнаго общества, во главѣ съ Сафьяновымъ. Приходилось слышать трогательные рассказы о происхожденіи многихъ предметовъ коллекцій.

Вотъ рѣдкіе образцы столбчатого порфира съ гольцовъ Кантегирскихъ хребтовъ: двое минусинскихъ мѣщанъ промышленниковъ вывезли породу изъ дикой тайги зимой—впряглись въ парты и на себѣ вывезли глыбы камня по глубокому снѣгу, по пропастьямъ.

А вотъ другая коллекція породъ: въ страшную непогодъ, по весенней распутицѣ брела партія «старателей»—на спинахъ котелки и тощій запасъ сухарей. «Не чаяли и живы быть», и тѣмъ не менѣе отъ каждаго утеса, изъ всякаго шурфа, отбивали по

кусочку и голодные, истощенные, притащили камень для «нашего музея».

Мелкіе торговцы и скотопромышленники въ своихъ вьючныхъ торокахъ привозили изъ отдаленныхъ монгольскихъ хошуновъ камни съ руническими надписями, тангутскія письма, богослужебныя тибетскія книги.

Несмотря на спѣшность сборовъ и многосложные хлопоты по снаряженію команды, я все же улучилъ свободный часъ и съ разрѣшенія полковника П. привелъ команду въ музей. Смотритель былъ такъ любезенъ, что въ неурочное время открылъ для насъ двери и, давая самъ объясненія, повелъ насъ по обширнымъ заламъ музея.

Остановливаясь подольше передъ витринами съ историческими и археологическими коллекціями, я постарался въ краткихъ чертахъ ознакомить солдатъ съ покореніемъ Минусинскаго края въ XVII вѣкѣ—какъ служилые люди, вслѣдъ за вольницей Ермака Тимофеевича, покоряли строптивыхъ инородцевъ, приводили князьковъ Абаканскихъ и Аскыскихъ подъ Царскую руку, собирали ясакъ... А слѣдомъ за «ружейниками» и стрѣльцами добровольно, а чаще по Царскимъ указамъ, идутъ мирные поселенцы «пашенные люди», ямщики съ женами и дѣтьми изъ Тобольска, изъ-за Уральскихъ горъ, и подъ прикрытіемъ сторожевыхъ городковъ селятся ямщицкими и пашенными слободами. Воеводы и другіе служилые люди были озабочены розыскомъ рудъ—застучали кайлы и мотыги по ущельямъ горъ. А легче оказалось разрывать древніе могильные курганы и въ нихъ стали находить костяки невѣдомыхъ богатырей въ желѣзныхъ кольчугахъ, золотыя чаши тонкой работы, золотыя серьги, стремена. Изъ пришлаго населенія выдѣлились цѣлыя артели «курганщиковъ», кладоискателей. Еще въ прошломъ вѣкѣ были люди, исключительно жившіе и работавшіе разрываніемъ могилъ. Поэтому многое въ высшей степени цѣнное для археологіи пропало безслѣдно, прежде чѣмъ наступило время научнаго изслѣдованія края.

По выходѣ изъ музея я собралъ развѣдчиковъ и напомнилъ имъ, что теперь отъ насъ потребуется не мало трудовъ и лишеній, что на нашу долю выпало почетное назначеніе послужить «Государеву дѣлу». Какъ въ старину безвѣстные служилые люди грудью стояли за русскую землю, такъ и намъ, быть можетъ, придется жизнью и кровью своей запечатлѣть вѣрность присягѣ.

кусочку и голодные, истощенные, притащили камень для «нашего музея».

Мелкіе торговцы и скотопромышленники въ своихъ вьючныхъ прокахъ привозили изъ отдаленныхъ монгольскихъ хошуновъ тамни съ руническими надписями, тангутскія письма, богослужбныя тибетскія книги.

Несмотря на спѣшность сборовъ и многосложные хлопоты по снаряженію команды, я все же улучилъ свободный часъ и съ разрѣшенія полковника П. привелъ команду въ музей. Смотритель былъ такъ любезенъ, что въ неурочное время открылъ для насъ двери и, давая самъ объясненія, повелъ насъ по обширнымъ заламъ музея.

Останавливаясь подольше передъ витринами съ историческими и археологическими коллекціями, я постарался въ краткихъ чертахъ ознакомить солдатъ съ покореніемъ Минусинскаго края въ XVII вѣкѣ—какъ служилые люди, вслѣдъ за вольницей Ермака Тимофеевича, покоряли строптивыхъ инородцевъ, приводили князьковъ Абаканскихъ и Аскысскихъ подъ Царскую руку, собирали ясакъ. . . А слѣдомъ за «ружейниками» и стрѣльцами добровольно, а чаще по Царскимъ указамъ, идутъ мирные поселенцы «пашенные люди», ямщики съ женами и дѣтьми изъ Тобольска, изъ-за Уральскихъ горъ, и подъ прикрытіемъ сторожевыхъ городковъ селятся ямщицкими и пашенными слободами. Воеводы и другіе служилые люди были озабочены розыскомъ рудъ—застучали кайлы и мотыги по ущельямъ горъ. А легче оказалось разрывать древніе могильные курганы и въ нихъ стали находить костяки невѣдомыхъ богатырей въ желѣзныхъ кольчугахъ, золотыя чаши тонкой работы, золотыя серьги, стремяна. Изъ пришлаго населенія выдѣлились цѣлыя артели «курганниковъ», кладоискателей. Еще въ прошломъ вѣкѣ были люди, исключительно жившіе и работавшіе разрываніемъ могилъ. Поэтому многое въ высшей степени цѣнное для археологіи пропало безслѣдно, прежде чѣмъ наступило время научнаго изслѣдованія края.

По выходѣ изъ музея я собралъ развѣдчиковъ и напомнилъ имъ, что теперь отъ насъ потребуется не мало трудовъ и лишеній, что на нашу долю выпало почетное назначеніе послужить «Государеву дѣлу». Какъ въ старину безвѣстные служилые люди грудью стояли за русскую землю, такъ и намъ, быть можетъ, придется жизнью и кровью своей запечатлѣть вѣрность присягѣ.

«И вотъ, когда тяжело, не въ могу, станеть отъ мороза ли, отъ голода ли—тогда вспомни присягу! И не страшись смерти—славно умереть за Царя, за Родину! На этомъ перекрестись, братцы!»

Негромкое «рады стараться!» мнѣ было въ отвѣтъ; всѣ въ глубокомъ молчаніи сняли шапки и, повернувшись къ залитому луннымъ сіяніемъ собору, стали истово креститься, давая въ душѣ безмолвный обѣтъ вѣрности присягѣ.

Къ 4-мъ часамъ утра 27-го декабря во дворѣ 1-й роты уже были собраны подводчики. До границы, до устья Кемчика, отъ Минусинска считается около 400 верстъ, по льду Енисея. И это разстояніе мы должны были пройти форсированными переходами въ 5—6 дней; нужно было спѣшить, такъ какъ съ каждымъ днемъ приходили все болѣе тревожныя вѣсти.

На сани было рассчитано по 4 стрѣлка и подводчикъ; грузъ состоялъ изъ патроновъ, по 500 на человѣка, шанцеваго инструмента, палатокъ, нѣсколькихъ тюковъ съ запасными сапогами и обмундированіемъ. Въ баталіонѣ насъ снабдили ящикомъ мясныхъ консервовъ, чаемъ, сахаромъ, сухарями на 5 дней; кромѣ того я распорядился купить боченокъ спирту и ящикъ махорки; не были забыты перевязочные пакеты, гусиное сало отъ обмораживанія и сумка съ лекарствами. Люди были въ сѣрыхъ шароварахъ, въ валенкахъ и въ черныхъ короткихъ полушубкахъ; мѣховыя шапки съ наушниками имѣлись только у меня и у моихъ красноярскихъ развѣдчиковъ.

По заранѣ полученной инструкціи, отрядъ долженъ былъ на перемѣнныхъ лошадяхъ на второй день прибыть въ дер. Шунерскую и оттуда уже двигаться по льду Енисея безъ дневокъ, отдыхая не болѣе 6—7 часовъ въ сутки.

Начальникъ экспедиціи, задержанный непредвидѣнными обстоятельствами въ Минусинскѣ, общалъ нагнать насъ въ пути.

Улицы и дома еще тонули въ предразсвѣтномъ сумракѣ, когда отрядъ нашъ, вытянувшись гуськомъ, тронулся въ походъ. Зазвенѣли бубенчики, завизжали полозья по мерзлomu снѣгу. Ежась отъ утренняго холода, развѣдчики то и дѣло соскакивали съ саней и бѣжали въ припрыжку.

Южный районъ Минусинскаго уѣзда представляетъ собою самую густо населенную область Сибири. Здѣсь нѣтъ типичныхъ сибирскихъ заимокъ, а черезъ каждые 10—15 верстъ попадаются села и деревни, раскинувшіяся вдоль отлогихъ береговъ Енисея. Лѣса повыврублены здѣсь еще на памяти старожиловъ и уступили

мѣсто пашнямъ и бахчамъ. Только тамъ, гдѣ Енисей, «раздвинувъ тяжкіе Саяны», бурливо и стремительно вырывается изъ каменныхъ объятій на просторъ степей, у послѣдней деревни «Означенной» начинается мрачная величавая тайга.

Уже изъ села Каптеревского видны остроконечные гребни снѣжныхъ таскиловъ, рѣзкой чертой выдѣляясь на ясномъ фонѣ зимняго неба.

Съ неудержимой силой насъ тянуло туда, въ далекія еще горы, взобраться на обледенѣвшія вершины... Впередъ, все впередъ!

Но нужно было соразмѣрить и беречь силы. Приближаясь къ деревнѣ, развѣдчики соскакивали съ подводъ, выстраивались по отдѣленіямъ и подъ звуки пѣсенъ, разученыхъ на скорую руку въ пути, вступали въ селеніе:

Мы солдаты удалые,
Всѣ тридцатаго полка
Мы развѣдчики лихіе—
Не страшимся мы врага.

Звонкимъ задорнымъ теноромъ выводилъ Трушинъ слова любимой «самодѣльной» пѣсни, и въ морозномъ воздухѣ гремѣлъ и заливался хоръ:

Зоркимъ глазомъ, мѣткой пулей
Доконаемъ мы волка.
Еще лучше бѣ намъ добратъся
До японца, до врага.

Въ попутныхъ деревняхъ мы останавливались на часъ, на полтора, не больше, пока сельскія власти, заранѣе предупрежденныя исправникомъ, не успѣвали распорядиться смѣной лошадей и подводчиковъ. Развѣдчики расходились по избамъ, гдѣ крестьяне угощали ихъ чаемъ и горячей пищей. На ночлегахъ въ Каптеревскомъ и Означенной люди успѣли попариться въ баняхъ.

Съ деревни Означенной зимняя дорога идетъ еще верстъ 10 по лѣвому берегу Енисея; затѣмъ она спускается къ самой рѣкѣ и извивается между ледяными глыбами, называемыми у сибиряковъ «торосами».

Вотъ эти то, раскинувшіяся въ хаотическомъ безпорядкѣ, громадныя льдины, а главнымъ образомъ незамерзающіе пороги сильно затрудняютъ зимнее движеніе по Енисею. Вообще же рѣдко случается, чтобы Енисей въ предѣлахъ Саянскихъ ущелій замерзаль ранѣе конца декабря.

Мы попали, когда установился первый санный путь и первыя торговые обозы «сверху» уже успѣли пробить слѣдъ по торосу. Но

насъ предупредили, «что на Большомъ» пороги и на «Кабачкѣ» путь еще въ высшей степени опасенъ—уже потонуло нѣсколько подводъ съ лошадьми и грузомъ. Пороги эти не замерзаютъ иногда при самыхъ лютыхъ морозахъ.

Встрѣченные нами подводчики, угрюмые и суровые на видъ суботники изъ села Юдина, неохотно отвѣчали на разспросы.

«Сами тамъ будете, сами все и увидите—не миновать, вѣдь, вамъ тѣхъ мѣстъ».

Только баба, какая-то пріискательница съ Уса, не жалѣла красокъ, расписывая намъ все пережитые ужасы.

«И-и, голубчики мои, и реветъ тамъ вода и клокочетъ, ажъ въ горахъ раздастся; а паръ надъ шиверой такъ и кипитъ, точно изъ бани. По налеси, по бревнамъ примороженнымъ ужъ и не знаю, какъ проползла. И угодничкамъ всеѣмъ и Матери Пресвятой»...

«Дура-баба!» прервали подводчики и тронулись дальше, стараясь скорѣе пробраться въ «жилое мѣсто».

О томъ, что происходитъ на границѣ, никто намъ пока точныхъ свѣдѣній дать не могъ. Былъ слухъ, что въ самомъ селѣ Кантеревскомъ показался сойотъ, который при появленіи нашего отряда, куда-то безслѣдно исчезъ; пустились за нимъ въ погоню конные крестьяне, но такъ и не удалось изловить и представить по начальству «лазутчика».

Пріѣзжіе съ Уса рассказывали, что вооруженные отряды сойотъ появились на Усть-Кемчикѣ, на пріискахъ по Золотой рѣчкѣ, на Булукѣ, изгоняютъ русскихъ, захватываютъ скотъ, имущество...

Но болѣе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній никто дать не могъ. На вопросъ, откуда это имъ извѣстно, отвѣчали: «да такъ, въ народѣ толкуютъ».

Въ виду этого тревожнаго, неопредѣленнаго положенія, я объявилъ людямъ, что теперь будемъ двигаться съ мѣрами охраненія, съ высылкой дозоровъ во время движенія и съ выставленіемъ часовыхъ и подчасковъ на привалахъ и ночлегахъ. По трудной дорогѣ было запрещено садиться на сани, а по хорошей я велѣлъ двигаться ускореннымъ шагомъ—6 верстъ въ часъ. Считая въ сутки 10 часовъ похода и 14 отдыха, я надѣялся уже на пятый день дойти до Усть-Уси.

На первомъ же зимовьѣ по Енисею насъ нагналъ начальникъ экспедиціи. Распоряженія мои были одобрены и тогда же я получилъ дальнѣйшія руководящія указанія.

Пора оглянуться назадъ и хотя бы въ краткихъ чертахъ изложить то положеніе вещей, которое создалось къ концу 1908 года въ Урянхайскомъ краѣ, грозило политическими осложненіями и, если не разразилось неминуемой катастрофой, то только благодаря энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ тогдашнимъ Иркутскимъ генераль-губернаторомъ Селивановымъ. Нужно было разобраться на мѣстѣ, найти тотъ или иной способъ предотвратить назрѣвшій кризисъ и эта отвѣтственная задача какъ нельзя лучше была выполнена полковникомъ П.

Чѣмъ же, въ сущности, были вызваны тѣ вопіющія нарушенія добрососѣдскихъ отношеній между урянхами и русскими, которыя какъ для администраціи, такъ и для русскаго населенія края разыгрались совершенно неожиданно?

Экономическіе интересы русскихъ въ Урянхайскомъ краѣ весьма значительны. По ту сторону нашей официальной пограничной черты раскинулось нѣсколько богатыхъ, цвѣтущихъ русскихъ селеній—Туранское, Уюкское, Булукъ, Брень и др.

Поселенія, въ нѣсколько тысячъ душъ, успѣшно занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, торговлей; имѣются богатые золотые прииски, займки и торговыя факторіи, «заведенныя широкой сѣтью по всѣмъ кочевьямъ сойотскимъ». Товарообмѣнъ между Минусинскомъ и Урянхайскимъ краемъ и сопредѣльными хошунами Кобдоскаго округа выражался въ миллионныхъ цифрахъ.

Ежегодно, съ установкой саннаго пути по льду Енисея, изъ Минусинска направлялись громадныя гужевыя караваны, нагруженные московской мануфактурой, бязью, плисомъ, сахаромъ, желѣзными издѣліями, крупчаткой и проч. Обратнo по тому же пути привозили кожу, пушнину, масло, замороженное мясо и дичь, шерсть, облѣпиху. Лѣтомъ по торнымъ тропинкамъ, по Усинскому и Арбатскому вьючнымъ путямъ, пригонялись гурты скота, табуны лошадей, а въ торокахъ привозилось намытое золото.

Несмотря на конкуренцію китайскихъ купцовъ, въ послѣднее время расселившихся по всѣмъ айлыкамъ, русская торговля не падала, а съ каждымъ годомъ все прогрессировала. По Кемчику, по Малому Енисею, на Булукъ стали строиться новыя заведенія; сойотскіе чиновники охотно уступали русскимъ въ аренду, по устному договору, сѣнокосныя и пахотныя участки, предоставляли имъ право пользоваться лѣсомъ, возводить поскотины, строить мельницы.

Но вотъ въ 1907 г. разыгралось первое столкновеніе русскихъ промышленниковъ съ владѣтелемъ Кемчика, Ухерибой Хейдубой. По официальной версіи причина дерзкой выходки сойотскаго князя

объяснялась всецѣло его дерзостью, нарушеніемъ гостепрѣимства и дружественныхъ отношеній съ представителями русской власти.

Но на самомъ дѣлѣ причины были нѣсколько иного свойства.

На лѣвомъ берегу рѣки Кемчика, выше впаденія въ него Акъ-Сукъ, имѣются богатые мѣстонахожденія асбеста. Цѣлый горный кряжъ изобилуетъ этимъ цѣннымъ минераломъ; мѣстами пласты асбеста выступаютъ наружу и красивыя наслоенія его ослѣпительно сверкаютъ въ лучахъ солнца.

Для окрестныхъ кочевниковъ богатѣйшія залежи огнеупорнаго минерала, конечно, не имѣютъ никакого значенія—вѣдь по вѣроученію тангутскихъ святителей и гегеновъ грѣшно даже касаться земли остриемъ кайлы. А коммерсантамъ русскимъ недосугъ заниматься минералогическими изысканіями—до того они заняты обмѣриваніемъ и обвѣшиваніемъ сойотъ при закупкѣ шерсти и масла.

Одинъ изъ крупныхъ золотопромышленниковъ Агинскаго уѣзда, Иваницкій, по слухамъ узнавшій о залежахъ асбеста, рѣшилъ организовать экспедицію для развѣдки и изслѣдованія на мѣстѣ вопроса о возможности эксплуатаціи асбестовыхъ залежей.

Въ экспедиціи согласился принять участіе горный инженеръ Минусинскаго округа, князь Волконскій. Самъ Иваницкій не поѣхалъ, а послалъ своего довѣреннаго, Кононова, извѣстнаго минусинскаго дѣльца и афериста, снабдивъ его большой суммой денегъ для заключенія концессіи съ кемчикскимъ княземъ.

Кононовъ повезъ съ собой цѣлый транспортъ ликеровъ, коньяку, серебряныхъ самоваровъ, сервизовъ, ковровъ, грамофоновъ и т. д., предназначенныхъ въ подарокъ сойотскимъ властямъ. Иваницкій отлично зналъ, какъ воздѣйствовать на душу кочевника и какъ съ нимъ заключать всякіе договоры и торговые сдѣлки.

Экспедиція, отлично обставленная, съ цѣлымъ штатомъ переводчиковъ и переводчиковъ, прибыла въ село Усинское, гдѣ Кононовъ представился тогдашнему пограничному начальнику, съ просьбой оказать помощь и совѣтомъ и содѣйствіемъ. Пріемъ экспедиціи былъ оказанъ самый радушный, начались совѣщанія и возліанія. Пограничный начальникъ Александровъ, типъ стараго сибирскаго становаго пристава, прошедшій огонь, воду и мѣдныя трубы, сумѣлъ убѣдить Кононова и Волконскаго, что только при его просвѣщенномъ содѣйствіи удастся завладѣть богатствами, скрытыми въ нѣдрахъ Кемчикскихъ горъ.

«А дарить сойотамъ серебряные самовары, ковры, зеркала, это, по моему, прямо святотатство. Они, сѣрые черти, обжираются

дохлой бараниной, а вы имъ везете шустовскій коньякъ! Только я вамъ все устрою, я здѣсь все, повѣрьте, господа»...

Ему повѣрили; всѣ подарки, предназначенные сойотамъ, были распределены между многочисленными членами семьи пограничнаго начальника; коньякъ и ликеры были выпиты и послѣ послѣдняго робера неустрашимые Язоны двинулись въ путь, въ поискахъ новой Колхиды.

Случилось то, что должно было случиться. Сойотскіе начальники страшно заволновались, узнавъ, что предназначенные имъ «ходаки» — подарки остались на Усу. Къ нойону экспедиція и не заѣхала. Не спрашивая его разрѣшенія, было приступлено къ работкѣ асбестовыхъ породъ. И вотъ черезъ нѣсколько дней вокругъ палатокъ «концессионеровъ» собралась, по приказу нойона, тысячная толпа конныхъ сойотъ, вооруженныхъ ружьями и дрекольями. Отъ имени кемчикскаго Ухерибы экспедиціи было предложено категорически — немедленно же покинуть сойотскую землю и убраться во-свояси. Всякіе переговоры были отклонены. Ни авторитетъ Александра, ни вооруженные 6 казаковъ его конвоя, ни блестящія пуговицы инженеровъ не спасли экспедицію отъ позорнаго бѣгства подъ натискомъ разъяренной толпы урянховъ.

Этой, извѣстной у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «кемчикской», авантюрой и былъ въ сущности нанесенъ первый ударъ русскому дѣлу въ Урянхайскомъ краѣ.

Исторію, конечно, не удалось замаять; она получила широкую огласку, и высшее начальство края распорядилось немедленно уволить отъ должности пограничнаго начальника Александра. На смѣну ему былъ присланъ энергичный офицеръ одного изъ стрѣлковыхъ полковъ, штабсъ-капитанъ Чакировъ, блестяще аттестованный по своей долготѣней службѣ въ тыловыхъ и этапныхъ учрежденіяхъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ. Тяжелое наслѣдство досталось ему на долю — запущенное дѣловодство, необходимость лично вникать и разбирать всякія юридическія, имущественныя и торговыя недоразумѣнія между русскимъ и туземнымъ населеніемъ зарубежнаго края.

Стараясь поднять престижъ русской власти и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить дружественныя отношенія съ урянхами, пограничный начальникъ лѣтомъ 1908 года первый сдѣлалъ «визитъ» Ухерибѣ Хейдубѣ, посѣтивъ его стойбище на Чезани съ многочисленной свитой изъ 6 казаковъ, дьячка, учителей и фельдшеровъ села Усинскаго. Нойонъ встрѣтилъ русскихъ гостей съ полнымъ радушіемъ —

араки лились рѣкой, бараны жарились десятками; были устроены игры, байга, борьба.

Хитрый азіатъ вполнѣ вошелъ въ роль представителя «великой Дайцинской монархіи». Естественно, что удаленіе Александра и заигрываніе съ нимъ новаго пограничнаго начальника еще болѣе укрѣпили въ немъ сознаніе, что съ властью его надъ Урянхайскимъ улусомъ принуждено считаться правительство русскаго «Цаганъ-Нойона».

Въ то же лѣто Ухериба въ сопровожденіи сотни всадниковъ въ шелковыхъ халатахъ, въ мѣховыхъ, со стеклянными шариками, шапкахъ явился на Усь съ отвѣтнымъ визитомъ. Улицы деревни были украшены триумфальными арками, дома увѣшаны зеленью и флагами—словомъ, Хейдуба удостоился такой чести и встрѣчи, какая обыкновенно выпадаетъ на долю какимъ-нибудь принцамъ. За обѣдомъ лилось шампанское, ревѣлъ граммофонъ, а усинскіе челдоны, любуясь невиданной картиной, почесывали затылки: «совсѣмъ зазнаются проклятыя сойотишки».

Такъ оно и вышло.

Сойоты, до этого времени мирно работавшіе на русскихъ принцахъ и заимкахъ, вдругъ стали требовать увеличенія заработной платы или даже совершенно отказывались отъ работъ. Участились случаи воровства и конокрадства. Иногда сойоты цѣлыми толпами пріѣзжали пьяными въ поселки и на заимки, требовали угощенія и бахвалились: «скоро всѣ ваши постройки, скотъ и товаръ будутъ наши—убирайтесь поскорѣе за Енисей!»

Первыми пострадали русскіе купцы Монастыршинъ и Брюхановъ, уже лѣтъ двадцать поселившіеся въ верховьяхъ Кемчика. У нихъ были разобраны поскотины, постройки, расхищенъ строевой лѣсъ. На жалобы ихъ чиновники Хейдубы отвѣтили, что дѣйствуютъ такъ, по приказанію свыше.

Въ послѣднихъ числахъ ноября посланные отъ Хейдубы мерины и дусанги (чиновники) явились къ Бякову съ требованіемъ немедленно разломать только что отстроенную мельницу. Ему же, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ купцамъ Вавилину, Мувозеву и Никулину, было приказано прекратить торговлю, сборъ долговъ и въ трехдневный срокъ выѣхать за предѣлы Урянхайскаго края.

Нетрудно представить себѣ ужасъ, охватившій русскихъ людей, почти безоружныхъ, беспомощныхъ, при извѣстіи о дикой выходкѣ нойона. Положеніе создалось въ самомъ дѣлѣ трагическое—помощи ждать было неоткуда, о поспѣшномъ бѣгствѣ на

родину нельзя было и думать—горныя тропы уже были занесены глубокимъ снѣгомъ, по Енисею неслась шуга, а санный путь могъ установиться только черезъ 1—2 мѣсяца. Такимъ образомъ купцы съ семействами, дѣтьми, работниками, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ, очутились во власти враждебно настроенныхъ кочевниковъ. Куда дѣвалось обычное добродушіе и покорность сойотъ! Изъ дня въ день можно было ожидать вспышки вѣковой злобы и ненависти кочевниковъ къ русскимъ; могли проснуться затаенные въ глубинѣ души инстинкты грабежа и крови, и зарево пожаровъ и грабежей всколыхнулось бы отъ Алтая до Косюгола.

Насилу Бяковъ и Вавилинъ добились «аудиенціи» у Хейдубы. Разжирѣвшій нойонъ важно принялъ челобитчиковъ, нагруженныхъ подарками — «белеками», въ своей бѣлой княжеской юртѣ, прелварительно продержавъ ихъ нѣсколько часовъ наружу, на жестокомъ морозѣ. На жалобы купцовъ нойонъ сквозь зубы процѣдилъ, что ему, конечно, жаль разстаться со старыми друзьями, съ которыми была выпита не одна бутылка араки, но такова воля богдыхана. «Поторговали—разбогатѣли, будетъ теперь съ васъ»!

А такъ какъ теперь дѣйствительно невозможно пробраться въ русское жилое мѣсто, то онъ великодушно прикажетъ отмѣнить первый свой «ярлыкъ» — повелѣніе — и даетъ всѣмъ русскимъ сорокадневный срокъ. По истеченіи такового весь скотъ и всѣ постройки должны быть сданы по описямъ въ хошунное управленіе, и это рѣшеніе его послѣднее и безповоротное.

Послѣ переговоровъ съ нойономъ купцы немедленно же написали жалобу русскому консулу, изложили всѣ событія и просили помощи и ходатайства его передъ Улясутайскимъ дзянь-дзиономъ объ отмѣнѣ дикихъ распоряженій сойотскихъ властей. Чтобы обмануть бдительность кочевниковъ, гонцу было наказано выступить ночью, по горамъ и степямъ, въ обходъ проторенныхъ дорогъ.

Одновременно были посланы лыжники къ усинскому пограничному начальнику и въ Минусинскъ; молодцы эти съ опасностью для жизни переплыли Енисей во время ледохода, въ метель и выюгу взобрались по обледенѣвшимъ вершинамъ горныхъ хребтовъ. Застучали телеграфныя аппараты...

А коварный Хейдуба тѣмъ временемъ продолжалъ свою политику съ замѣчательной настойчивостью: по его распоряженію были снесены межевыя знаки у поселка Усть-Усинскаго, насыпаны новыя пограничныя маяки и разставлены вооруженные караулы у Бомъ-Кемчика на Серлихѣ, на Арбатской дорогѣ.

« Но еще не успѣлъ кончиться послѣдній срокъ, предоставленный войнонѣ русскимъ купцамъ, какъ уже по тороосу застывшаго Енисея безъ отдыха, безъ приваловъ, спѣшно двигалась команда отборныхъ молодыхъ, горя желаніемъ поскорѣе расправиться съ зазнавшимися халатниками.

Въ морозномъ воздухѣ, гулко откликаясь въ ущельяхъ каменныхъ утесовъ, нависшихъ надъ ледянымъ покровомъ Енисея, гремѣла и заливалась лихая пѣсня развѣдчиковъ:

По горамъ-ли по равнинамъ,
По дремучей-ли тайгѣ,
По степямъ и по долинамъ—
Мы орлами пролетимъ.

Эв. Августусъ.

